

УДК 141.33

DOI: 10.37482/2687-1505-V148

*ИВАНЕНКО Алексей Игоревич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 51 научной публикации, в т. ч. одной монографии**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

ФЕНОМЕН ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО МИСТИЦИЗМА

Статья посвящена изучению феномена мистицизма в культуре СССР 1960–1980-х годов. Отправной точкой исследования явились элементы мистического дискурса, отмеченные автором в позднесоветском кинематографе, запечатлевшем как советский быт, так и Афганскую войну; это наблюдение удивительно, поскольку советская идеология решительно отвергала мистицизм. Само определение мистицизма в словарях советского периода было не совсем корректным, т. к. тяготело к теистической мистике, ориентированной на переживание мистического единства с Абсолютом. Между тем с 1965 года в СССР наблюдался «мистический ренессанс», который был вызван популяризацией мистической литературы (В. Мессинг, М. Булгаков, Д. Андреев). Отдельно стоит упомянуть А. Мартынова, который предпринял абрис паранормальных явлений советской эпохи. Одним из факторов «мистического ренессанса» стал травматический опыт Второй мировой войны, который был спроецирован в культ Великой Победы. Эта квазирелигиозная практика включала в себя молитвенную минуту молчания, Вечный огонь и монументы Родины-матери. Другими факторами стали определенная реабилитация религии как формы культуры, а также пришедшая с Запада мода на «нью-эйдж». В немалой степени возрождению мистицизма в СССР способствовал кризис науки: парадоксы теории вакуума и синергетика с ее идеей рождения порядка из хаоса. Основной формой выражения позднесоветской мистики стало представление о параллельном мире как источнике «паранормальных явлений»: для Мессинга и Мартынова это таинственное «поле», для Булгакова – «пятое измерение», а для Андреева – «Шаданакар». К мистическим явлениям в СССР относили массовый гипноз, сопряженный с телепатией, телекинез, телепортацию, левитацию и явления полтергейста. Также в статье обозначено соотношение понятий «мистицизм», «духовность» и «оккультизм»: у них есть моменты смыслового пересечения, поскольку они подразумевают наличие иного мира и возможность переживания коммуникации с ним, при этом духовность относится к светлой стороне мистики, которая активно используется в мировых религиях, тогда как оккультизм мыслится темной стороной мистики.

Ключевые слова: мистика, мистицизм, советская культура, вакуум, энтропия, Вольф Мессинг, Даниил Андреев, Михаил Булгаков.

*Адрес: 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4; e-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com

Для цитирования: Иваненко А.И. Феномен позднесоветского мистицизма // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 6. С. 120–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V148

Введение. В более раннем нашем исследовании «Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии» (2020) было обнаружено, что для интерпретации неудач Советской армии в ходе Афганской войны (1979–1989) в советском и постсоветском кинематографе активно применялся мистический дискурс [1, с. 56]. Это может показаться весьма странным для общества, основу которого составляло научно-материалистическое мировоззрение (идеология марксизма-ленинизма).

Если мы расширим предметную область и выйдем за пределы фильмов об Афганской войне, то выясним, что в массовом кинематографе позднего СССР элементы мистики периферийно присутствовали при описании советского быта. В фильме «Любовь и голуби» (режиссер В. Меньшов, 1984) в сцене беседы главного героя Василия Кузякина с его новой спутницей Раисой Захаровной перечисляются такие явления, как телекинез, астральное тело, связь экстрасенсов с Космосом, бесполое зеленые гуманоиды, восточная акупунктура (иглоукальвание) и филиппинская медицина (оперирование без использования медицинских инструментов). Эти феномены подавались нарративно в иронической модальности, однако фильм может фиксировать своеобразную моду на подобные представления в 1984 году, т. е. свидетельствовать об их широком распространении в позднесоветском обществе.

В другом, более раннем, популярном советском фильме «Операция “Ы”» (режиссер Л. Гайдай, 1965) есть небольшая сцена, где главный герой Шурик внезапно обретает способность предугадывать события, которая характеризуется как «телепатия», а сам носитель этого дара сопоставляется с Вольфом Мессингом, мемуары которого были опубликованы в год выхода фильма (1965). Ситуация также подается в ироничном ключе, а способности главного героя по сюжету имеют другую, более прозаическую причину, однако для нас важно зафиксировать данное представление в позднесоветской культуре. Таким образом, мистиче-

ский дискурс позднесоветской эпохи становится основной целью настоящего исследования.

Терминологический аппарат. Для начала необходимо определиться с терминологией, поскольку существует неясность как в понятии «позднесоветский», так и в соотношении понятий «мистицизм», «мистика», «эзотерика» и «оккультизм».

В научной литературе под позднесоветским периодом обычно понимаются три последние десятилетия существования СССР – 60–80-е годы XX века [2, с. 179]. Ему можно противопоставить раннесоветский период, который, соответственно, будет охватывать первые три десятилетия Советского Союза – 20–40-е годы XX века. Такого выражения, как «среднесоветский период», нам обнаружить не удалось, впрочем, более точная периодизация советской истории не входит в задачи настоящей работы.

Что касается мистики и мистицизма, то исследователь М. Шахнович в книге «Современная мистика в свете науки» (1965) давал следующее определение: «Мистика (греч. *mystikos* – таинственный) – одно из проявлений религиозно-идеалистической идеологии, вера в существование сверхъестественных сил и в возможность непосредственного общения с ними посредством магических приемов в моменты особого экстаза, “озарения свыше”» [3, с. 3]. Автор, со ссылкой на Фейербаха, сообщает о разнородности мистических проявлений, к которым могут быть отнесены как сложные философские построения вроде теософии или антропософии, так и бытовые суеверия в форме примет и гаданий [3, с. 4].

Если мы обратимся к определению мистицизма, то в Философском словаре 1968 года (под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина) можно обнаружить следующее: «Мистицизм, мистика (греч. *mystika* – таинство) – религиозно-идеалистический взгляд на действительность, основу которого составляет вера в сверхъестественные силы» [4, с. 219]. Далее по тексту сказано, что элементы мистицизма были свойственны многим философско-религиозным учениям древности. Само определение при этом представляется туманным и тавтоло-

гичным, т. к. мистицизм характеризуется через религию, основным и решающим признаком которой является «вера в сверхъестественное» [4, с. 307]. В том же словаре 1968 года оккультизм определяется как «мистическое учение о существовании потусторонних, таинственных сил, с которыми якобы устанавливают контакт избранные люди» [4, с. 258].

Таким образом, словарные определения не позволяют разграничить понятия «мистика», «мистицизм», «эзотеризм» и «оккультизм», к которым еще присоединяется концепт религии, однако в приведенных дефинициях присутствуют общие компоненты в виде «сверхъестественных сил» и практики взаимодействия (общения, контакта) с ними.

Новая философская энциклопедия 2010 года (под редакцией В.С. Степина) приводит определение С.С. Аверинцева, в котором под мистикой понимается «религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе непосредственного “единения” с абсолютом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих, осмысляющих и регулирующих эту практику» [5]. Данное определение уже учитывает «нетейстический мистицизм» (даосизм, буддизм и неоплатонизм), но исключает магические практики общения с миром духов, которые не подразумевают присутствие Абсолюта. Например, в шаманско-оргиастических культурах усматривается лишь исторический аналог и прообраз мистики [5].

Современные философские методы анализа обыденного языка не позволяют свести мистику к переживанию Абсолюта, поскольку существует как минимум такой жанр кинематографа, как мистика, где описывается общение с миром низшей мифологии (духи, призраки, привидения, демоны, проклятые места).

Интересно замечание Г.В. Хлебникова, который противопоставлял христианскую религию и мистику как раз на основе лингвистического анализа. Так, исследователь отмечал, что в основном священном тексте христиан (Библии) совершенно отсутствуют лексемы «мистика» и «мистицизм».

По его словам, лишь к III веку понятие «мистика» под влиянием язычества проникает в христианство [6]. Категория мистического выносится в название богословского трактата лишь Псевдо-Дионисием Ареопагитом («О мистическом богословии»), который может быть датирован VI веком.

В целом теологический дискурс избегает использования слов «мистика» и «мистицизм» по отношению к практикам взаимодействия с божественным миром. Отчасти это можно объяснить созвучием, родством и семантическим пересечением со словом «мистификация», что означает «введение в заблуждение». Библейским эквивалентом мистического является духовное (спиритуальное) [6]. Слово «мистика» в религиозном дискурсе обозначает сомнительные практики и, как правило, является экзонимом для именованых спорных учений. Другое дело, что в условиях кризиса традиционной религиозности на Западе возникла своеобразная «мода» на мистицизм как альтернативу позитивистского (научному) взгляду на мир без всякой связи с Абсолютом.

Современные отечественные ученые, например Е.Г. Балагушкин, прослеживают историю исследования мистики как отдельного феномена с Уильяма Джеймса [7, с. 14], написавшего работу «Многообразие религиозного опыта» (1902). Изначально мистика фиксировалась как особое состояние сознания, связанное с кратковременностью, интуицией и пассивным восприятием души. Эти компоненты объединяются в понятие «мистический опыт», или «религиозный транс», который сопровождается «измененным состоянием» сознания, нерациональным характером получения информации («озарение», «откровение») и определенной внезапностью («избранничеством»). Е.Г. Балагушкин акцентирует внимание на ускользающем характере мистики, т. к. ее кратковременность носит относительный характер: например, Мухаммед и Чайтанья испытывали мистический опыт в период от одного до трех месяцев [7, с. 15]. Кроме того, в рамках мистики присутствует момент рационализации опыта и его экспликации в религиозно-философ-

ских трактатах (пример в суфизме – Ибн Араби). Избранничество со стороны внешних потусторонних сил, по мнению Е.Г. Балагушкина, нивелируется наличием разнообразных «психотехник» у йогов, суфиев, исихастов и тантристов.

Несмотря на отсутствие четких дефиниций, формируется определенное семантическое поле мистического с подвижной внешней границей, которое подразумевает наличие двух факторов: убеждения в существовании потусторонней реальности и возможности чувственного переживания встречи с этой реальностью при дальнейшей трансформации личности, ее переходе в более совершенное состояние.

Можно согласиться с Е.Г. Балагушкиным в том, что к мистике следует относить сам опыт встречи с потусторонним, а к мистицизму – попытку рационализации и вербализации данного опыта. Такая характеристика мистического относительна, т. к. сам концепт «потусторонней реальности» негативен и определяется через противопоставление «посюсторонней реальности». Например, в философии Канта присутствует внешне похожее «различие между трансцендентальным и эмпирическим» [8, с. 73]. Однако мистическое не трансцендентально, т. к. подразумевает непосредственный опыт (эмпирию), оно также в полной мере и не эмпирично, поскольку подразумевает действие не предметов, но некоторых «сил» («сакральных инстанций»), чья визуализация нередко имеет галлюциногенный характер [6].

Потусторонний характер мистического опыта аналитически подразумевает отрицание границы привычного, что привносит в данную категорию субъективный и релятивный аспект. Проведем мысленный эксперимент и представим себе гипотетического жителя потустороннего мира: его среда обитания будет привычной и «посюсторонней», тогда как «потусторонним» окажется именно наш мир.

Для толкования феномена мистицизма можно проанализировать разницу между фильмами жанров «мистика» и «фэнтези». Согласно portalу *kinonews.ru*, первым в списке лучших мистических фильмов идет «Ребенок Розмари» (*Rosemary's Baby*, режиссер Р. Полански, 1968), снятый по одноименному роману Айры Левина¹. Из «необычных» явлений там упомянута «черная магия» (*witchcraft* – колдовство). Интересно, что в фэнтези тоже есть колдовство (*witchcraft*), но фильмы этого жанра не классифицируются как мистические. Например, на том же портале первым в списке лучших фэнтези-фильмов указан «Властелин колец» (*The Lord of the Rings*, режиссер П. Джексон, 2003), снятый по одноименной трилогии Джона Толкина². Если мистический роман Левина описывает наш мир, в котором происходят необъяснимые явления, то фэнтези Толкина описывает всецело волшебный мир, где колдовство вполне привычно, а колдуны – часть истеблишмента.

Мистику конституирует не колдовство, но сама необъяснимость и таинственность. Мистические явления не всегда можно свести к колдовству как некой практике. Например, кинематографические образы «проклятого места» или «дома с привидениями» не подразумевают обязательной магической практики. В мистических фильмах герой и зритель по закону жанра должны как бы постоянно сомневаться в реальности происходящего. Но как только магия становится привычной, «посюсторонней», мистика превращается в фэнтези; как только феномен «проклятого» пространства воспринимается как очевидный, мистика переходит в постапокалиптику.

Интересно, что в англоязычном разделе свободной сетевой энциклопедии «Википедия» эквивалентом русского понятия «мистический фильм» является *supernatural film* («фильм о сверхъестественном»), тогда как однокоренное словосочетание *mystery film* может характери-

¹Топ 100 лучших фильмов жанра мистика. URL: <https://www.kinonews.ru/top100-mystery/> (дата обращения: 28.07.2021).

²Топ 100 лучших фильмов жанра фэнтези. URL: <https://www.kinonews.ru/top100-fantasy/> (дата обращения: 19.08.2021).

зовать детективные сюжеты. Таким образом, семантика мистического включает в себя не просто упоминание о потустороннем мире, но именно чувство удивления от встречи с ним.

Действительно, «потустороннее» само по себе лишено мистики. В изданном Московским государственным университетом учебнике «Философия» (1998), авторами которого являются Петр Алексеев и Александр Панин, можно встретить такой пассаж, содержащий аллюзию на средневековые богословские трактаты: «Материя как субстанция несотворима, неуничтожима, она вечна и бесконечна»³. При этом сам дух оказывается «модусом материи».

В то же время классический материализм был лишен мистицизма, ибо отсутствовал опыт непосредственной встречи с материей. Изучающие окружающие мир ученые имели дело не с самой материей, а с многообразием ее форм. Философы-материалисты теоретизировали о материи, но не имели опыта встречи с ней. Отсюда возникала проблема реальности материи, ибо господствовал гносеологический подход, превращающий основополагающий постулат материализма в эфемерную абстракцию.

Результаты. Ранней советской философии мистицизм был чужд, по крайней мере, он отсутствовал на стадии саморефлексии. В дальнейшем, не без травмирующего влияния опыта Великой Отечественной войны (1941–1945), прогрессистские футуристические настроения сменяются консервативными, что фиксируется в монументальном искусстве.

Цементирующим ритуалом советской общности становится культ Великой Победы с такими сопутствующими элементами, как телевизионная минута молчания (с 1965 года), Вечный огонь (в Москве с 1967 года) и скульптурные композиции Родины-матери (самый высокий монумент был возведен в Волгограде в 1967 году). Сам по себе культ Великой Победы еще не подразумевал мистицизма, но вплотную к нему приближался через усиление идеи сакрального в почитании героев войны.

Важно отметить, что одновременно с учреждением культа Великой Победы в 1965 году отмечается явление, которое можно назвать «мистическим ренессансом». Здесь можно выделить ряд ключевых событий. Так, в 1965 году опубликованы мемуары телепата Вольфа Мессинга и монография Михаила Шахновича «Современная мистика в свете науки». Вслед за этим в журнале «Москва» напечатали ставший необычайно популярным роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» (1966–1967), который был написан еще в 1940 году. Параллельно этим публикациям в мире «самиздата» распространялся мистический трактат Даниила Андреева «Роза Мира», написанный в 1958 году.

Для интерпретации феномена позднесоветского мистицизма обратимся к книге Анатолия Мартынова «Исповедимый путь (Философские этюды)» [9]. Эта небольшая работа интересна тем, что она подробно описывает мистические или, следуя авторской терминологии, «паранормальные» явления, циркулирующие в массовом советском сознании.

Вольф Мессинг и «булгаковская мистика».

А. Мартынов сообщает, что Вольф Мессинг (1899–1974) был «всем известен» и «никто не сомневается в достоверности того, чем он обладал» [9, с. 12]. Он также ссылается на «мистику “Мастера и Маргариты”» [9, с. 80, 143]. Еще в книге упоминаются «болгарская ясновидица Ванга» (1911–1996) [9, с. 22], обладающая способностью к «телекинезу» ленинградка Нинель Кулагина (1926–1990) [9, с. 26] и «экстрасенс» Джуна Давиташвили (1949–2015) [9, с. 33–34].

В приписываемых Вольфу Мессингу мемуарах сам герой описывается как «мистически настроенный, экзальтированный мальчик» [10], из которого впоследствии вырос советский актер. Свое умение Мессинг характеризовал как «телепатию» или «психологические опыты», хотя сторонние наблюдатели, по его словам, видели в этом «шарлатанство» или «волшебство». «Сверхспособности» Мессинга не ограничивались простым восприятием или «передачей мыс-

³ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 1998. С. 357.

лей» от «индуктора». Он приписывал себе способность манипулировать людьми посредством гипноза, что (якобы) позволило ему бесплатно проехать в берлинском экспрессе, избежать заключения в нацистской тюрьме, проникнуть на охраняемые объекты Кремля и безвозмездно получить крупные суммы денег в Госбанке.

Примечательно, что сам автор мемуаров отрицал всякую связь с оккультизмом или «потусторонними силами», предпочитая умалчивать о природе своих способностей или туманно указывать на некие «поля», аналогичные электромагнитным.

Способности советского артиста Мессинга, связанные с гипнозом, телепатией и ясновидением, удивительным образом коррелируют со способностями персонажа романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» по имени Воланд. Именуемый «профессором черной магии», тот также устраивал «сеансы» по чтению и внушению мыслей и мог предсказывать будущие явления (например, смерть Берлиоза на трамвайных путях). При этом сторонние наблюдатели характеризовали подобные действия как «массовый гипноз» [11, с. 391]. Такая трактовка находит подтверждение в том, что после демонстрации мистических опытов предметы вновь возвращались к своему *status quo*, что позволяет считать превращения лишь видимостью или «галлюцинацией». Впрочем, некоторые события в романе не могут быть объяснены простым обращением к гипнозу. Например, мгновенные перемещения объектов на далекие расстояния (телепортация), в частности перенос Степана Лиходеева из Москвы в Ялту. Описывая подобные события, Михаил Булгаков ссылается на «нечистую» [11, с. 336, 368] или «потустороннюю силу» [11, с. 639] и даже на «чертовщину» [11, с. 347], однако применяет и квазинаучную терминологию вроде «пятого измерения» [11, с. 519].

Мистицизм Даниила Андреева. У Даниила Андреева в «Розе Мира» особый акцент сделан не столько на описании «паранормальных явлений», сколько на попытке охарактеризовать

«потустороннюю реальность» [12, кн. II, гл. 1]. Метод, коим пользуется писатель, подчеркнуто ненаучный, однако претендующий на большее, чем просто быть вымыслом. Это именно опыт в форме озарения, когда субъективное понимание сопровождается «блаженным восторгом». Демистификация этого явления с философских позиций позволяет усмотреть в нем форму эстетического познания, при котором восприятие целостности созерцаемого феномена сопровождается суждением вкуса, затрагивая не только интеллект, но и эмоциональную сторону наблюдателя.

Даниила Андреев обращается к различным религиозным представлениям в рамках напоминающего теософию проекта «интеррелигии Розы Мира». Таким образом он пытается сформировать релевантное представление о тех аспектах мироздания, которые не подвластны научному методу. В частности, Андреев реанимирует представление об «эфирном теле», которое способно к «трансфизическому странствию».

В истолковании «многослойности Вселенной» Даниилу Андрееву свойственен необычайный размах. Одна только планета Земля обладает множеством параллельных миров, в совокупности называемых «Шаданакаром». Другие планеты также обладают аналогичными совокупностями измерений, называемыми «брамфатурами».

Для характеристики духов Андреев использует лейбнизианский термин «монады», которые образуются в результате «эманации» безличного божества. При этом сами духи в процессе своего взаимодействия способны продуцировать квазиодушевленных эгрегоров [12, кн. III, гл. 3]. Андреев указывает, что данный термин им заимствован из «иудейской мистики» и означает он некие вторичные демонические сущности (не-монады). Функционально эгрегоры сопоставимы с «уицраорами» (демонами великодержавной государственности).

Также Даниила Андреева отличает представление о множественности совершенных миров – «затомисов», примерами которых являются Рай и Эдем [12, кн. III, гл. 2]. Их обр-разность имеет культурную обусловленность.

Подобный нарратив подразумевает осязаемую реальность не только индивидуальных, но и коллективных представлений в попытке примирить материалистический и идеалистический взгляды на мир.

Опыт интерпретации паранормальных явлений. Продолжая линию Д. Андреева, Анатолий Мартынов пытается преодолеть традиционный материалистический подход марксистско-ленинской философии, ссылаясь на различие «субстанции и субстрата», заимствованное у советского философа А.К. Манеева [9, с. 64]. Привычной материи отводится роль инертного субстрата, тогда как субстанция отождествляется с информацией, что, с одной стороны, стирает грань между идеальным и материальным, а с другой стороны, лишает информацию вторичного («отражающего») характера.

Мартынова, как и Мессинга, интересуют феномены телепатии и ясновидения, но он расширяет список «паранормального», упоминая телекинез (перемещение предметов на расстоянии силой мысли). Причиной упомянутых «психокинетических воздействий» названо некое «плотное энергетическое» или «биогравитационное поле» [9, с. 30].

Если телепатия, ясновидение и телекинез подразумевают субъекта, то «полтергейст» означает самопроизвольные перемещения предметов внутри помещения. В качестве примера приводятся случаи, якобы произошедшие в московском районе Измайлово и совхозе «Коммунарка» в 1982 году [9, с. 31]. Без всякой конкретики Анатолий Мартынов упоминает феномен «левитации», характеризуя его как «нейтрализацию гравитационного поля Земли» [9, с. 33].

Для интерпретации мистических явлений Анатолий Мартынов обращается к кантианству и синергетике Германа Хакена. Из первого он, несколько произвольно, заимствует словосочетание «ноуменальный мир» [9, с. 38]. Кроме того, ему импонирует кантовский скептицизм в отношении эмпирической науки: «Еще Кант показывал иллюзорность наших представлений о пространстве и времени» [9, с. 47].

Синергетика привлекает адепта современного мистицизма тем, что в ней наука как бы приходит к своему самоотрицанию. Так, в основе синергетики лежит удивление по поводу второго закона термодинамики, согласно которому энтропия (безвозвратное расходование энергии) возрастает, из чего следует концепция «тепловой смерти» Вселенной. Но если энтропия возрастает, а энергия теряется, то должен наблюдаться и обратный процесс. Поэтому помимо процессов разрушения должны быть (антентропийные) процессы созидания, или «самоорганизации» [9, с. 41]. В масштабе Вселенной субстратом первичной самоорганизации может быть только вакуум, который и порождает всю совокупность наличной массы и энергии.

Реанимация религиозного дискурса? Гипотеза о происхождении энергии из вакуума наделяет последний атрибутом всемогущества, что переводит рассуждение в плоскость религиозного дискурса. Собственно, в этом случае «вакуум – это не просто пустота» [9, с. 75], но обладающее колоссальным потенциалом «гиперпространство» [9, с. 41], которое при этом невесомо и невидимо.

Мартынов дистанцируется от «ортодоксальной науки» и утверждает «неэлектромагнитный характер полей биологических объектов» [9, с. 45]. Привязка мистического поля к живым существам объясняется тем, что биологические объекты обладают высокой степенью упорядоченности, при том, что «существо жизни заключается в процессах, направленных против возрастания энтропии» [9, с. 51]. Поэтому для «гиперпространства» в его работе можно найти три условных синонима: «биополе» [9, с. 11, 13, 86], «информационное поле» [9, с. 69] и «суперполе» [9, с. 74].

Далее Анатолий Мартынов отождествляет «информационное поле» с «Вселенским Разумом» [9, с. 143], после чего начинается поспешная попытка интерпретации религиозных понятий в духе «нью-эйдж», где к «экстрасенсам» приравниваются люди, способные производить «паранормальные явления»: «жрецы Древнего Египта», христианские святые, махатмы, йоги и даже Иисус Христос [9, с. 11].

Стоит отметить, что в позднесоветском контексте религия трактовалась через призму культуры. Например, советский исследователь чань-буддизма Николай Абаев для толкования религии обращается к философии Юрия Лотмана (1970), который основную функцию культуры видел в «уменьшении энтропии в окружающем мире» [13, с. 30]. Саму религиозную практику Абаев рассматривает как средство подготовки «человека к выполнению его социальных и культурных функций» [13, с. 132] через «оптимизацию биоэнергетического состояния» [13, с. 31].

Таким образом, дискурсивные скачки Мартынова нельзя рассматривать в качестве реанимации религиозного дискурса, когда миссионер пытается говорить на языке науки. Скорее, речь идет о поэтизации (эстетизации) научных и аномальных явлений.

Нечто похожее можно наблюдать в трактовке Льва Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (1979), где механизм образования этносов рассматривается через призму гипотетических «антиэнтропийных импульсов» [14, с. 254], названных «пассионарными толчками». Сама энтропия как разрушительная (антипроизводительная) сила ориентирована на вакуум, именуемый «адам» и «бездной», причем «принцип аннигиляции» персонифицирован – воплощен в образе Люцифера [14, с. 457–468]. Антиэнтропийные силы получили у Гумилева поэтическое наименование «паладинов Космоса» [14, с. 254]. Важно отметить, что здесь мы видим радикально иную, нежели у Мартынова, стратегию отношения к вакууму: вместо обожествления происходит демонизация, то, что один исследователь считает Вселенским Разумом, другой именуется Бездной.

Заключение. Исследование показало, что в целом идеологии СССР был чужд мистицизм, однако под воздействием травматического опыта Великой Отечественной войны (1941–1945) к 1965 году был учрежден культ Великой Победы, в котором присутствовали

элементы мистического дискурса (минута молчания, Вечный огонь, Родина-мать). Это можно трактовать как реверанс в сторону усиливающихся мистических настроений, проявившихся в популяризации «паранормальных явлений» в литературе, что связано с именами Д. Андреева, М. Булгакова и В. Мессинга. Анатолий Мартынов фиксирует популярность в позднесоветском обществе таких «экстрасенсов», как Ванга, Джуна Давиташвили и Нинель Кулагина.

Следует отметить, что, несмотря на «железный занавес», культура СССР не была изолирована от стран Запада. Она, в кругах научно-технической интеллигенции, испытывала влияние как теософии XIX века, так и генетически связанного с ней движения «нью-эйдж». Об этом свидетельствует знакомство (бесспорно, поверхностное) советской интеллигенции с дзэн-буддизмом, тибетским ламаизмом и индийской йогой. Сама терминология советского мистицизма: «полтергейст», «телепатия», «медиум» – указывает на инокультурный характер этих явлений. Важно отметить активное использование научной терминологии в советском мистицизме, где для интерпретации «паранормальных явлений» употреблялись позднее в советской культуре такие термины, как «энтропия» и «поле». Трансценденцией советских мистиков оказывался вакуум, который переставал быть простой пустотой и становился «суперполем».

К сфере мистического как паранормального в позднесоветской культуре отнеслись как отдельные способности людей (телекинез, телепатия, телепортация, левитация, целительство, месмерический гипноз, прозорливость-ясновидение), так и свойства определенных территорий (полтергейст).

Советский мистицизм не фиксировал сколь-нибудь значительные «чудесные» события, а выражал, скорее, усталость от однобокого сциентизма, пытался адаптировать многовековой опыт различных религиозных традиций и нетрадиционной медицины.

Список литературы

1. Иваненко А.И. Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 3. С. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
2. Абрамов Р.Н. Инженерный труд в позднесоветский период: рутина, творчество, проектная дисциплина // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 179–214. DOI: [10.22394/2074-0492-2020-1-179-214](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-179-214)
3. Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. Л.; М.: Наука, 1965. 205 с.
4. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1968. 432 с.
5. Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. URL: <https://iphras.ru/page12557492.htm> (дата обращения: 14.08.2021).
6. Хлебников Г.В. Мистицизм и философская мистика // Культурология. 2010. № 1(52). С. 44–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mistitsizm-i-filosofskaya-mistika> (дата обращения: 14.08.2021).
7. Балагушкин Е.Г. Аналитическая теория мистики и мистицизма // Мистицизм: теория и история / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред.: Е.Г. Балагушкин, А.Р. Фокин. М.: ИФРАН, 2008. С. 14–71.
8. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
9. Мартынов А. Исповедимый путь (Философские этюды). М.: Прогресс, 1990. 166 с.
10. Мессинг В. О самом себе. М., 1965. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/397518-4-volf-messing-o-samom-sebe.html#book> (дата обращения: 19.08.2021).
11. Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Юнацтва, 1988. 670 с.
12. Андреев Д.Л. Роза Мира. URL: <http://rozamira.org/rm/htm/> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989. 273 с.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 528 с.

References

1. Ivanenko A.I. *Shuravi and Dushman as Reflected in Soviet and Russian Cinematography. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 3, pp. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
2. Abramov R.N. *Inzhenernyy trud v pozdnesovetskiy period: rutina, tvorchestvo, proektnaya distsiplina* [Engineering Work in the Late Soviet Period: Routine, Creativity, and Project Discipline]. *Sotsiologiya vlasti*, 2020, vol. 32, no. 1, pp. 179–214. DOI: [10.22394/2074-0492-2020-1-179-214](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-179-214)
3. Shakhnovich M.I. *Sovremennaya mistika v svete nauki* [Modern Mysticism in the Light of Science]. Leningrad, 1965. 205 p.
4. Rozental' M.M., Yudin P.F. (eds.). *Filosofskiy slovar'* [Dictionary of Philosophy]. Moscow, 1968. 432 p.
5. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Available at: <https://iphras.ru/page12557492.htm> (accessed: 14 August 2021).
6. Khlebnikov G.V. *Mistitsizm i filosofskaya mistika* [Mysticism and Philosophical Mystics]. *Kul'turologiya*, 2010, no. 1, pp. 44–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mistitsizm-i-filosofskaya-mistika> (accessed: 14 August 2021).
7. Balagushkin E.G. *Analiticheskaya teoriya mistiki i mistitsizma* [Analytical Theory of Mystical Phenomena and Mysticism]. Balagushkin E.G., Fokin A.R. (eds.). *Mistitsizm: teoriya i istoriya* [Mysticism: Theory and History]. Moscow, 2008, pp. 14–71.
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow, 1994. 591 p.
9. Martynov A. *Ispovedimyy put'* (*Filosofskie etyudy*) [An Unmysterious Way (Philosophical Essays)]. Moscow, 1990. 166 p.
10. Messing W. *O samom sebe* [About Myself]. Moscow, 1965. Available at: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/397518-4-volf-messing-o-samom-sebe.html#book> (accessed: 19 August 2021).
11. Bulgakov M. *Belaya gvardiya. Master i Margarita* [The White Guard. The Master and Margarita]. Minsk, 1988. 670 p.

12. Andreyev D.L. *Roza Mira* [Rose of the World]. Available at: <http://rozamira.org/rm/htm/> (accessed: 12 August 2021).
13. Abaev N.V. *Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Chan Buddhism and Cultural Psychological Traditions in Mediaeval China]. Novosibirsk, 1989. 273 p.
14. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Leningrad, 1989. 528 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V148

Aleksey I. Ivanenko

State University of Industrial Technologies and Design;
ul. Ivana Chernykh 4, St. Petersburg, 198095, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179> e-mail: ivanenkoalexey@hotmail.com

THE PHENOMENON OF LATE SOVIET MYSTICISM

This article studies the phenomenon of mysticism in Soviet culture of the 1960s – 1980s. The starting point are the elements of mystical discourse in late Soviet cinematography, which captured both Soviet life and the Afghan War. This is surprising since official Soviet ideology strongly rejected mysticism. The very definition of mysticism in Soviet dictionaries was not entirely correct, since it gravitated towards theistic mysticism, focused on experiencing mystical unity with the Absolute. Meanwhile, starting from 1965, the Soviet Union saw a “mystical renaissance” due to the popularization of mystical literature (W. Messing, M. Bulgakov, D. Andreyev). Special mention must be made of A. Martynov, who outlined the paranormal phenomena of the Soviet period. One of the factors of this “mystical renaissance” was the traumatic experience of World War II, which was channelled into the Great Victory cult. This quasi-religious practice included the meditative moment of silence, the eternal flame and monuments to the Motherland. Among other factors can be named a certain acceptance of religion as a form of culture and the New Age movement that came from the West. To a large extent, the revival of mysticism in the Soviet Union was facilitated by the crisis of science: the paradoxes of the vacuum theory and synergetics with its idea of generating order out of chaos. The main form of expression of late Soviet mysticism was the idea of a parallel world as a source of “paranormal phenomena”: for Messing and Martynov it is a mystical field, for Bulgakov, the fifth dimension, while for Andreyev, Shadanakar. In the Soviet Union, mass hypnosis associated with telepathy, as well as telekinesis, teleportation, levitation, and poltergeist were regarded as mystical phenomena. In addition, this article analyses the correlation between the notions of mysticism, spirituality and occultism. Their meanings overlap to a certain degree, since all three imply the existence of another world and the possibility of communicating with it. However, spirituality, which is actively used in world religions, belongs to the light side, while occultism is thought of as the dark side of mystical phenomena.

Keywords: *mystical phenomena, mysticism, Soviet culture, vacuum, entropy, Wolf Messing, Daniil Andreyev, Mikhail Bulgakov.*

Поступила 19.08.2021

Принята 16.12.2021

Received 19 August 2021

Accepted 16 December 2021

For citation: Ivanenko A.I. The Phenomenon of Late Soviet Mysticism. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 6, pp. 120–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V148